

Трансформация имперской политики в Польше в начале 1830-х гг. и государственные деятели польского происхождения

Николаевское царствование занимает особое место в «русском периоде» польской истории. Именно в правление Николая I начался процесс корреляции правительственной политики в отношении Польши, изменился её политико-административный статус в составе империи. Польское восстание 1830-1831 гг. разрушило систему российско-польских отношений, основанную на компромиссе конституционной и самодержавной модели правления, предопределило трансформацию имперской политики в Царстве Польском от конституционализма и автономии к бюрократической централизации и абсолютно-монархическому управлению, обусловило его положение как составной части единой Российской империи. Принципиальное значение приобретает исследование процесса формирования правительственной программы, направленной на объединение Польши с империей в законодательном, административном и финансовом аспектах. В этой связи одной из важнейших является проблема участия в ее оформлении видных государственных деятелей польского происхождения – К. Ф. Друцкого-Любецкого, С. Ф. Грабовского, С. А. Замойского, В. И. Красинского, А. А. Рожнецкого, И. Л. Туркула, ставших в 1831-1832 гг. членами имперского Государственного совета.

Изучение политических и служебных биографий польских сановников, определение их места в системе власти и институций николаевской России, выявление роли в работе высших совещательных учреждений, существовавших при Совете – Комитета по делам Царства Польского и Департамента дел Царства Польского – разрабатывавших, как программный документ в виде Органического статута 14 февраля 1832 г., так и конкретные законодательные проекты институциональной и административной унификации Польши в составе Российской империи, обусловили научные результаты данного исследования. Противоречие, существовавшее между новой польской политикой и «старым» политическим мировоззрением поляков – членов Государственного совета, остававшимся в рамках унии Польши и России, а не растворения первой во второй, при сохранении ее особого статуса в структуре имперских связей, национальной идентичности и самостоятельности, определило их стремление не участвовать в формировании правительственной программы. Неудача тактики Николая I по инкорпорации правящей элиты Царства Польского в высшее государственное учреждение страны, использованию «польского потенциала» для решения имперских задач была предreshена. Польские сановники, будучи приверженцами либеральной политики предыдущего царствования, не желали участвовать в работе Комитета и Департамента по польским делам, формировавших законодательные основы для всеобъемлющей интеграции Польши в имперский организм, создания системы административно-правового контроля и регламентации всех сфер жизни польского общества. Члены указанных Комитета и Департамента, имевших особый неофициальный статус по сравнению с другими учреждениями Государственного совета, они не были включены в систему гражданской службы России и не стремились проводить в жизнь политику российского правительства, хотя именно это являлось главной функцией института бюрократии.

С.П.Жаба – «вечный» студент в борьбе против царской и советской России.

Студенческий протест и студенческая самоорганизация первых лет советской власти существовали в формах, унаследованных от дореволюционной высшей школы. На протяжении конца XIX – начала XX вв. советы старост, землячества, касса взаимопомощи помимо своих непосредственных обязанностей, связанных с просветительской и экономической деятельностью, были вовлечены и в активный политический протест. Эта традиция продолжила свое существование и после 1917 г. Подобная преемственность была характерна не только для организаций, но и для некоторых студенческих активистов, которые продолжали участие в протестах на протяжении всего переломного периода 1914-1920 гг. Наиболее ярким примером такого долгожительства является судьба студента Петроградского университета Сергея Павловича Жабы. Поскольку редкая публикация об истории петроградского студенчества того времени обходится без упоминания о нем, закономерно осветить основные вехи его биографии (на материалах фондов ЦГА СПб, ЦГАИПД СПб, Архива ФСБ по Санкт-Петербургу и ЛО).

Сергей Павлович Жаба родился в 1894 г. в Минске. Окончив 11-ю Московскую гимназию в 1913 г. поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В это же время он вступил в ряды эсеров, имел кличку «Мирный», в ГАРФ сохранился дневник наружного наблюдения за С.П.Жабой за 1914 г.

Пик политической активности Жабы был связан с деятельностью Петроградского центрального общестуденческого комитета (ЦОК) – высшего органа студенческого самоуправления в 1918-1920 гг. Как нам удалось установить, среди лидеров комитета были преимущественно представители оппозиционных большевикам партий. Жаба возглавлял «центристское» (эсеровское) течение Комитета, к «правым» относили меньшевиков, к «левым» – большевиков, также широко были представлены кадеты.

Несмотря на то, что формальные функции ЦОКа предполагали решение задач устройства университетского хозяйства и материальной взаимопомощи, он также стал местом столкновения разных мнений об устройстве высшего образования. На студенческих конференциях 1918 и 1919 гг. основная масса участников, хоть и принимала Октябрьскую революцию, настаивала на сохранении университетской автономии. Кульминация непрекращающейся конфронтации ЦОКа с большевистскими властями стала студенческая конференция 1920 г., которая завершилась яркой полемикой между Г.Е.Зиновьевым и С.П.Жабой. В ходе голосования большинство поддержало резолюция, предполагавшая подчинение университета государству.

В этом же году С.П.Жаба оказался арестован (к тому времени он учился в университете уже 8-й год) и, отказавшись давать показания на товарищей, провел в заключении полтора года. В ноябре 1921 г. он подал на оптацию литовского гражданства, как литовец по происхождению. В январе 1922 г. Жаба был признан подлежащим отправке на родину на основании мирного договора между РСФСР и Литвой.

В эмиграции занялся публицистической деятельностью, оставил ценные воспоминания о студенчестве времен Гражданской войны. Вскоре отошел от политической деятельности и отказался от социалистических убеждений, стал близким другом поэтессы и публициста — монахини Марии (Скобцовой), был членом созданного ею общества «Православное дело». В 1954 г. подготовил фундаментальный труд: «Русские мыслители о России и человечестве», который начинал готовить вместе с Н.А.Бердяевым. Умер во Франции в 1982 году

Организация медицинской помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой войны (Дискуссионные вопросы)

Во время Первой мировой войны медицинская помощь воинам обеспечивалась по линии Военного министерства, в частности, его Главного военно-санитарного управления, а также т.н. «полугосударственного» Российского общества Красного Креста и двух созданных в самом начале войны общественных организаций - Всероссийского Земского союза помощи больным и раненым воинам и аналогичного ему по своим целям и структуре Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам, т.е. организаций официально выступавших под флагом Красного Креста, но фактически самостоятельно разворачивавших свою деятельность силами общественности преимущественно за счет государственных средств.

Важным показателем медицинского обеспечения войск являлось наличие достаточного числа коек, которыми располагала русская армия для лечения больных и раненых воинов. К ноябрю 1915 г. общее число коек составило 738 291, из них 105 647 принадлежали РОКК, а 256 664 – Земскому союзу и Союзу городов, т.е. Военное министерство располагало 43,2% коек, тогда как на долю РОКК и союзов приходилось 56,8% коек. К концу войны число коек превысило 1 млн, что в достаточной мере обеспечивало нужды армии.

Из приведенных цифр понятно, какое большое значение для армии имело создание крупнейших общественных организаций в форме союзов, деятельность которых выходила далеко за пределы медицинской помощи армии. Общественные симпатии были на стороне союзов. Государственные учреждения традиционно и вполне справедливо критиковались за бюрократизм и волокиту. Например, из писем с войны санитарного врача 8-й («Брусилловской») армии Фридриха Краузе видно, как много времени отнимала у него «канцелярия» и мелочная отчетность в ущерб выполнению своих врачебных обязанностей.

В отличие от государственных учреждений и тесно примыкавшему к ним РОКК, союзы быстро реагировали на острые потребности военного времени, но вместе с тем действовали практически бесконтрольно, не считаясь как с длительными согласованиями, так и с денежными затратами, что со временем стало вызывать подозрения в возможных злоупотреблениях и хищениях. В современной историографии вопрос об эффективности работы союзов, располагавших значительными государственными средствами, в сопоставлении их с деятельностью РОКК рассматривается в работах С.В. Куликова.

На основании неопубликованных воспоминаний С.А. Сокольской, служившей в первый год войны врачом в госпитале Земсоюза в Вязьме, в общую копилку «компромата» можно добавить ее свидетельства о расточительности в содержании госпиталя, чрезмерном изобилии питания, высокой заработной плате, которую поначалу она даже отказывалась получать, посчитав, что допущена ошибка. Когда стали много говорить и писать о дорогом обходившемся государству Земском союзе, ей припомнился роскошный ужин у уполномоченного Земсоюза, человека со средним достатком, который поразил их изысканным и щедрым угощением.

Оставляю в стороне вопрос о политизации союзов. Отмечу только, что «политика» проникала и в умонастроения врачей, находившихся на службе в военно-медицинском ведомстве, как это следует, например, из писем того же Краузе. Не могу не затронуть «гендерный вопрос». Среди медперсонала в союзах преобладали женщины. Действовавшие ограничения доступа женщин-врачей к государственной службе противоречили здравому смыслу и становились архаикой. Во время войны произошел прорыв к гендерному равноправию вследствие востребованности женщин в сфере трудовой и профессиональной деятельности. Воспоминания Сокольской содержат богатый материал о добросовестном и самоотверженном труде женщин-врачей в военное и мирное время.

Проблема ростовщичества в Новгородской губернии (во второй половине XIX – начале XX в.)

Во второй половине XIX века в Российской империи начала складываться система разнообразных кредитных учреждений, обслуживавших различные слои населения, от крупных банков, оказывавших значительный кредит предпринимателям, до сберегательных касс, аккумулировавших свободные средства вкладчиков.

Однако в городах достаточно широкий круг жителей оставался вне рамок деятельности городских общественных банков и других кредитных учреждений: рабочие и другие наемные работники, мелкие ремесленники, семьи отставных или умерших небогатых чиновников и военных, лица свободных профессий, студенты и проч. Банковский кредит под векселя (заемные письма) им не мог быть открыт, так как они не занимались предпринимательством не имели авторитета в деловых кругах. Не обладая каким-либо значимым в банковском понимании имуществом (недвижимость, ювелирные изделия, ценные бумаги), которое могло бы послужить надежным залогом для получения ссуды, они, так же, не могли рассчитывать и на ее получение. Не состоя на государственной или общественной службе, эти категории городских жителей не являлись, следовательно, и членами ведомственных ссудо-сберегательных касс взаимопомощи.

Не имея возможности пользоваться услугами упомянутых кредитных учреждений, они, таким образом, неизбежно оказывались втянутыми в сферу ростовщического кредита, где обеспечением ссуды могли служить не только, например, драгоценности, но и предметы домашнего обихода, носильные вещи и проч., что, как раз, устраивало малоимущих горожан. Однако за пользование такой ссудой приходилось платить достаточно высокие проценты. Так в 1870-х гг. новгородский ростовщик М.А. Поляк получал с клиентов до 6 % в мес. – 72 % в год. Подобные дельцы, имевшие разрешение на свою деятельность (ибо правительство вынуждено было мириться с этим чрезвычайно живучим промыслом, пытаясь, тем не менее, ограничивать его крайние проявления) взимали по ссудам, в среднем, от 48 до 60 % годовых, а нелегальные ростовщики – и до 120 %.

Власти, как правило, неохотно давали разрешение на открытие ссудных (ростовщических) контор и касс, да и сами ростовщики не стремились к этому, т. к. необходимо было заводить специальные книги для фиксации закладов, операции обставлялись многочисленными ограничениями и формальностями. Это приводило к распространению нелегального ростовщического промысла под крышей разного рода контор и мастерских (переплетных, стекольных и проч.), контролировать которые было труднее.

Проблема ростовщичества в городах была, возможно, более заметной, однако в отдельных отраслях дореволюционной российской экономики, например, в сельском хозяйстве, ростовщичество воспринималось как настоящее бедствие. Ростовщики охотились на все категории сельского населения: и помещиков и крестьян и сельскую интеллигенцию. В Новгородской губернии, например, в изучаемый период в исключительно тяжелом положении находились рыбаки (ловцы), промысел которых долгое время находился под полным контролем ростовщиков-перекупщиков. Ловецкое купечество-ростовщичество взимало с рыбаков проценты от 100-200 % и выше, кредитование рыбаков осуществлялось только предметами лова и продуктами. Отдача – только рыбой и по самой низкой цене. Фактически приказчиками кулака являлись руководители артелей – «ватаманы», зачастую и сами бывшие ростовщиками.

После отмены крепостного права крестьянство оказалось в тяжелом финансовом положении, вынужденное платить выкупные платежи и государству и помещику. Малоземелье и неурожай, постоянная нехватка средств все время толкали крестьян в объятия сельских ростовщиков (кулаков, мироедов), осуществлявших кредит деньгами и семенам под обеспечение будущего урожая, который затем продавался по заниженным ценам. Из-за этого

зажиточная верхушка крестьянства предпочитала не столько вкладывать накопления в сельскохозяйственное производство, сколько направлять их в торгово-ростовщические операции для закабаления крестьянства.

В массовом сознании укрепилась фигура городского ростовщика, воплощенного в литературных образах, например, старухи-процентщицы у Достоевского. Таких людей было немало, но не меньше их было и на селе, однако если в городе за ними осуществлялся определенный контроль со стороны полиции и властей, то на селе их промысел был практически бесконтрольным. Если в городе ростовщики редко были у кормила власти, то в деревне они зачастую были настоящими хозяевами, занимая и должности по сельскому управлению.

Таким образом, государство имело все предпосылки к ограничению их деятельности - и морального плана и материальные (например, создать, с учетом опыта ростовщиков, альтернативные им кредитные учреждения с более мягкими условиями выдачи ссуд под недрагоценные вещи и перетянуть туда хотя бы часть их клиентуры). Однако на деле правительство столкнулось с рядом достаточно серьезных трудностей, не позволивших, в конечном счете, создать государственную систему благотворительного кредита в России. С 1840 г. начинают возникать немногочисленные акционерные и частные ломбарды, имевшие, коммерческий, а не благотворительный характер деятельности. К 1914 г. их насчитывалось всего 22 в 13-ти губернских городах из 97, а в уездных центрах их не было вообще.

Недостаточная финансовая обеспеченность провинциальных российских городов предопределила значительные трудности в осуществлении данного проекта. Так, из 669 уездных городов ломбарды сумели учредить только 109 (к 1916 г.). Это отразилось и на собственных оборотных средствах ломбардов, например, к 1914 г. два государственных ломбарда имели суммарный капитал в 8,5 млн. руб., 20 акционерных ломбардов - почти 26 млн. руб., а 106 городских ломбардов - только 12,5 млн. руб.

Характерно, что 18 городских ломбардов были образованы целиком на деньги частных жертвователей, так как, зачастую, города не могли собрать на эти цели даже 2-3 тыс. руб.

Новгородцы в случае крайней необходимости они могли получить небольшую ссуду под залог драгоценностей, личных вещей и прочего движимого имущества (из 12 % годовых) в городских ломбардах, действовавших в Тихвине (с 1889 г.), Старой Руссе (с 1890 г.), Новгороде (с 1894 г.), Белозерске (с 1913 г.). В 1913 г. они выдали таких ссуд более чем на 88 тыс.руб., получив чистой прибыли 1 тыс. 866 руб.

«Никого не выдавать...»: анализ защитной тактики обвиняемых на следственном процессе 1825–1826 гг. и критический анализ следственных показаний в свете основных задач изучения декабризма

- Анализ и интерпретация документов следственного процесса 1825–1826 гг. – важная часть работы исследователей декабризма. В последнее время презентированы претендующие на новизну «концепции», декларирующие едва ли не полную фабрикацию следствием истории декабристских тайных обществ. В частности, имеется в виду книга Н.Д. Потаповой «Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов» (СПб., 2017), которая вызвала резко критический отклик у специалистов, а также более ранние статьи этого автора.

- В свете этих «новаторских открытий» обвиняемые предстают людьми, безропотно уступающими следователям и соглашающимися с навязываемыми им формулировками – как в период следствия, так и в своих поздних мемуарах, письмах и историко-публицистических сочинениях.

- В настоящей работе автор стремится показать, что, вопреки этой точке зрения, среди арестованных имели место договоренности о молчании на допросах и в показаниях, согласование стратегии защиты на следствии, стремление скрыть подлинные обстоятельства и причастных к деятельности тайных обществ и военному заговору 1825 г. лиц.

- В докладе рассмотрены основные варианты защитной тактики декабристов, показывающие, что о полном принятии ими формулировок обвинения говорить не приходится.

- Анализ следственных показаний дает основание полагать, что процесс декабристов не носил тотально обвинительного характера. В отличие от судебных фабрикаций, где подавляющее большинство подсудимых признаются виновными, на основании уличающих данных, которые, как правило, не подвергаются сомнениям и не отвергаются следствием – на процессе декабристов обвиняющие свидетельства во многих случаях могли быть нивелированы и опровергнуты в результате последовательно проведенной защитной линии поведения. Другими словами, перед нами – весьма разнообразная, пестрая картина, в которой нет места статистам, покорно уступающим давлению следователей и принимающим по той или иной причине фальсифицированную картину событий.

- Чаще всего, в случаях «опровержения» обвиняющих свидетельств итогом становился вердикт следствия «невиновен», подсудимый освобождался как «непричастный» к делу, хотя первоначально против него имелись вполне определенные уличающие данные. При обращении к следственным показаниям обнаруживается, что существует целая группа официально оправданных подсудимых, в отношении которых имелись конкретные обвинительные данные, свидетельствующие об участии в тайном обществе или, по крайней мере, осведомленности о политических замыслах заговорщиков.

- Приводимые факты и свидетельства показывают отсутствие признаков масштабной инсценировки государством процесса по «делу декабристов».

- По итогам сделанных наблюдений мы полагаем, что есть основания не согласиться с недавно предложенной произвольной схемой или «новой концепцией», по существу утверждающей полную фабрикацию существования тайных обществ в ходе следствия. Следствие и суд 1825–1826 гг. трудно признать инсценированными, а их деятельность – масштабной фабрикацией; проведение параллелей с политическими процессами, имевшими место в тоталитарных государствах XX в., представляется неправомерным и необоснованным, анти-историчным.

- В работе показано основополагающее значение критического подхода к изучению следственных показаний для научной реконструкции истории декабристского движения.

С.Н.Валк: заметки к биографии

1. Хотя жизни и деятельности крупнейшего советского историка-источниковеда и одного из создателей нашего института Сигизмунда Натановича Валка (1887-1975) посвящены ценные работы В.Г.Чернухи, В.Н.Гинева, Р.Ш.Ганелина и других историков, далеко не все аспекты его биографии и научного творчества могут считаться достаточно изученными.

2. Серьезного внимания заслуживает тема: С.Н. Валк и Польша. Как известно, детские и школьные годы историка прошли в Вильно и Лодзи, и польский язык он знал не хуже русского. С 1907 г. жизнь Валка была связана с Петербургом — Ленинградом. Как ученый и личность он сформировался в петербургской академической среде. Но интерес к польской истории и культуре Валк сохранил до конца жизни; он откликался в печати на новинки польской научной литературы, выступал оппонентом по диссертациям, посвященным истории Польши. Значительную часть личной библиотеки Валка, хранящейся ныне в библиотеке нашего института, составляли книги на польском языке. Тщательное рассмотрение этого собрания бросает новый свет на научные и культурные интересы историка.

3. Нуждается в уточнении характеристика политических и философско-социологических взглядов С.Н. Валка. Официально он был, конечно, советским историком и марксистом, но за этой вывеской, как мы знаем, могли стоять самые разные позиции. Философские интересы Валка, привитые ему в школе Лаппо-Данилевского, были далеки от проблематики «диамата». Внимательное изучение научного наследия и библиотеки С.Н. Валка приводит к выводу, что он не был ни большевиком, ни, тем более, сталинистом. Всю жизнь он оставался беспартийным. Весьма вероятно, что Валк придерживался более или менее социал-демократических взглядов.

4. Показательны в этом плане многочисленные пометки С.Н. Валка на полях принадлежавшей ему книги польского философа, одного из идеологов «еврокоммунизма» А. Шаффа «Марксизм и человеческая личность» (1965).

К вопросу о жанровых особенностях энциклопедической статьи

«Энциклопедическая статья, – читаем в русскоязычной Википедии, – жанр научного текста, структурная единица энциклопедии. Содержит определение основного термина статьи, а также краткое описание сущности определяемого им понятия, явления, проблемы в общедоступной форме, список литературы». Наблюдаемое в последние 30 лет развитие ситуации в области российской исторической энциклопедистики привело к тому, что данная дефиниция девальвировалась именно применительно к этой области. Дело в том, что за указанный период российская историческая энциклопедистика претерпела дифференциацию, которая отразилась на содержании энциклопедической статьи как особого жанра научного нарратива. Ранее единая «историческая энциклопедия» распалась на множество «исторических энциклопедий», классифицируемых как по семантическому, так и по семиотическому принципам. Если обратиться непосредственно к энциклопедистике истории России начала XX в., то здесь наблюдаются те же тенденции, что и в российской исторической энциклопедистике в целом. С одной стороны – появились тематические энциклопедии, посвященные как «событиям» (Первой русской революции 1905 – 1907 гг., участию России в Первой мировой войне 1914 – 1918 гг., русской революции 1917 г., Гражданской войне в России 1917 – 1922 гг.), так и «людям» (депутаты I – IV Государственной думы, члены Государственного совета, граф С.Ю. Витте, П.А. Столыпин). С другой стороны – «события» и «люди» истории России начала XX в. освещаются на страницах энциклопедий, структурированных согласно географическим (общероссийские, республиканские, региональные, городские и даже районные), возрастным (взрослые, школьные и детские) и другим категориям. Из-за сужения тематики энциклопедий жанр энциклопедической статьи переживает перерастание самого себя в прямом и переносном смысле слова: она увеличивается как по объему, так и по содержанию, в количественном и качественном отношении. Вместе с тем, как и ранее, энциклопедическая статья более, чем какой-либо другой жанр научного текста, сталкивается с необходимостью соблюдения предварительно заданных границ – и внешних, и внутренних, особенно – в случае с классической энциклопедической статьей («Российская историческая энциклопедия»). Тем не менее, энциклопедическая статья, в ее классическом понимании, по-прежнему присутствуя в историографическом дискурсе, эволюционировала в сторону превращения в научную статью и, в известной степени, в научную мини-монографию. Подобные метаморфозы объясняются тем, что для эпохи постмодернизма характерен феномен «кризиса жанра», а также – недостаточной изученностью соответствующих «событий» и «людей» в советской историографии. Так или иначе, но на нынешнем этапе развития российской исторической энциклопедистики жанр энциклопедической статьи представлен, и весьма солидно, не только в классическом, но и в модифицированном виде, что необходимо принимать во внимание при наукометрических исследованиях. Если же возвратиться к началу данного доклада, то нельзя не отметить: Википедия по части точности и полноты содержащейся в ней информации до сих пор не превзошла, и вряд ли – превзойдет, по крайней мере – в обозримой перспективе, «старые добрые» гутенберговские тексты.

Присоединение Туркестана в исторической памяти России

1. Присоединение Средней Азии (Коканд, Хива, Бухара, Туркмения, Памир) во второй половине XIX века стало последним расширением Российской империи, завершением формирования территории будущего Советского Союза и сферы особых геополитических интересов России после распада СССР.
2. Формирование памяти о «покорении Туркестана» (традиционное дореволюционное название этого процесса) происходило под воздействием политических и социокультурных трансформаций XIX-XXI вв. а также адаптации коммеморативных практик к специфике военных и политических событий на территории Средней Азии в период ее включения в состав империи Романовых.
3. Военные действия в этом регионе начались на рубеже 1840-1850-х гг.; наиболее активная фаза приходится на вторую половину 1860- начало 1870 –х гг.; самыми драматичными стали походы 1880-1881 гг. против туркмен. Такая продолжительность создала проблемы с составлением символического списка главных героев и главных битв.
4. Сравнительно небольшие боевые потери русской армии, специфика боевых операций также оказала сильное влияние на складывание картины «покорения Туркестана».
5. В советское и постсоветское время формирование памяти о взаимоотношениях России и политических структур Средней Азии определялось принципами национальной политики СССР и складыванием национальных исторических мифов.

Тезисы к книге «Министры финансов императорской России: Е.Ф. Канкрин, М.Х. Рейтерн, Н.Х Бунге (СПб: Пушкинский фонд, 2020. 656 с. 42 усл. печ л.).

Издание представляет собой свод текстов, состоящий из воспоминаний (преимущественно), а также из некоторых записок, которые характеризуют деятельность трёх наиболее заметных руководителей финансового ведомства России в XIX в. (С.Ю. Витте был ранее посвящён отдельный том). Подавляющее большинство текстов опубликованы либо в выдержках, либо в сокращении из-за ограниченного объёма книги. Большинство мемуаров извлечено из современных эпохе журналов, другие изданы уже в советское время (дневник А.А. Половцова) или в нашу эпоху (дневник М.А. Корфа, воспоминания К.И. Фишера, записки Д.А. Оболенского). Отдельно - о воспоминаниях А.Н. Куломзина «Пережитое», появившихся в печати в 2016 г. в настолько безобразном виде, что при передаче сколько-нибудь значительных частей авторского текста приходится обращаться к рукописи, хранящейся в РГИА. Оттуда же взята аналитическая записка Е.Ф. Канкринина о состоянии российской экономики, которая ранее не публиковалась. Известная записка Н.Х Бунге «1881-1894 гг.» существует, как известно, в трёх редакциях, из которых В.Л. Степановым издана вторая, наиболее обстоятельная. Между тем, автор после её представления Александру III в 1892 г. продолжил работу над текстом, но не завершил её. Последняя редакция, обнаруженная в его бумагах, была сразу же размножена типографским способом в нескольких десятках экземпляров и распространена среди сановников. Сейчас её можно обнаружить в нескольких федеральных архивах и крупнейших библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга.

Замысел издания – показать как основные черты личности и деятельности трёх виднейших министров, оказавших существенное влияние на состояние дел в подчинённой им сфере жизни, так и попытаться обнаружить динамику и черты преемственности в финансовой политике империи на протяжении всего XIX столетия.

1. Все без исключения министры сталкивались с проблемой острого бюджетного дефицита, вызванного тяжёлыми войнами (Канкрин – расстроенные финансы после эпохи наполеоновских войн; Рейтерн – Крымская война; Бунге – Русско-турецкая война) и как следствие этого – низкого курса рубля. Характерно, что все трое добились ограниченных успехов в решении этой проблемы, но разными способами.

2. Е.Ф. Канкрин (министр финансов в 1823–1844 гг.), получивший рубль на уровне четверти его серебряного эквивалента, сосредоточился на поисках новых источников доходов (в частности, сильный таможенный протекционизм) и сокращении расходов. Уже современники отмечали, что министр недостаточно заботился о развитии экономики, сведя промышленную политику к частным мерам вроде содействия образованию и торговле. Он ограниченно понимал роль финансов (отсюда – негативное отношение к частным банкам), был противником железных дорог, так как не видел их экономической перспективы.

3. М.Х. Рейтерн (1862–1878 гг.) впервые поставил вопрос о том, что борьба за устойчивый курс рубля и бездефицитность бюджета должна сосредотачиваться не только на фискальных усилиях и тотальной экономии на всём, а на успешном экономическом развитии. Место бухгалтерского подхода к экономике заняла политика государственной

поддержки наиболее успешных и перспективных отраслей экономики, в частности, железных дорог (к 1875 г. их было 19 тыс. вёрст). Это обеспечило России беспрецедентный промышленный рост во второй половине 1860-х – 1870-х гг.

4. Н.Х. Бунге (1881–1886 гг.) стал первым министром финансов, который положил в основу своего курса поднятие народного благосостояния. Им была подготовлена отмена в 1887 г. подушной подати, т.е. взят курс на обложение не человека, а его имущества. Бунге также поставил задачу перейти к подоходному налогу и готовил золотую реформу рубля – меры, которые ставили бы российские финансы на один уровень с ведущими экономическими державами того времени.

Тезисы доклада на научной сессии 2021 г.

В истекшем году я работал над четырьмя темами: «Е.Р. Дашкова и ее “Записки”», история масонства в России, декабризм, отречение Николая II. По первой теме я выступил с докладом «С.М. Соловьев, Е.Р. Дашкова и дворцовый переворот 1762 г.» на международной конференции в Москве «С.М. Соловьев и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка». (Сборник материалов должен выйти до конца года. Уже существует в виде PDF (прилагается). По второй теме я сделал доклад «Румянцова победам» на XXVI Царскосельской конференции «Триумф победы в зеркале искусства». (Уже издан. PDF прилагается). По третьей теме я подготовил доклад для сборника в честь 100-летия А.А. Зимины «Письмо Ф. Ф. Вадковскому П.И. Пестелю 3 декабря 1825 г. и проблемы изучения декабризма». Конференция «VII Зиминские чтения. Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию А.А. Зимины» состоялась заочно в виде предоставления докладов. Сборник опубликован. PDF прилагается. По четвертой теме я выступил с докладом «За кулисами революции: Интрига и власть. (“Кругом измена и трусость, и обман”?)» на конференции СПбГУ «Феномен революции и контрреволюции в истории стран Европы и Америки в Новое и Новейшее время». Поскольку все выше перечисленные доклады уже обнародованы, а последний будет опубликован только в следующем году, я решил представить на настоящую сессию тезисы именно его.

«За кулисами революции: Интрига и власть. (“Кругом измена и трусость, и обман”?)»

28 февраля 1917 г. в Петрограде произошел первый в истории Февральской революции эксцесс: солдаты Кегскольского полка разграбили и сожгли дом министра двора В.Д. Фредерикса и его зятя В.Н. Воейкова, дворцового коменданта. Ни тот, ни другой никогда не были фигурами политическими. Разгром же их особняка считался актом обыкновенного мародерства. Однако и министр и комендант стали ближайшими советниками Николая II, когда его поезд был задержан в Пскове и генерал Н.В. Рузский поставил перед царем вопрос об отречении. Никто из историков не задался вопросом, как и когда Фредериксу и Воейкову стало известно о произошедшем с их особняком. Никто из ученых никогда не пытался выяснить, каким образом это повлияло на решение царя объявить о своей готовности отречься. Проведенное исследование вскрыло важнейший факт: Воейков и Фредерикс узнали трагическую новость утром 2 марта на платформе псковского вокзала перед тем, как царь в 10. 15 принял Рузского. Воейков присутствовал при этом приеме. Фредерикс же находился в вагоне-салоне царя, когда тот принимал Рузского вторично в 14. 30. Желая снять с себя обвинения в том, что он явился главным виновником отречения, Рузский впоследствии создал версию произошедшего. Согласно ей телеграммы главнокомандующих фронтов вместе с телеграммой начальника штаба М.В. Алексеева с требованием отречения заставили помазанника решиться на этот шаг. Однако выяснение действительного времени отправки телеграмм и их получения вначале в Ставке, а затем в Пскове вскрывает подтасовку, на которую пошел Рузский, чтобы «документально» обосновать свою «невинность». В действительности же он использовал в качестве давления на царя

поступившие из Ставки ложные сообщения о семье императора. Согласно этим вымышленным известиям жена Николая II и его больные дети стали заложниками мятежных войск в Царском Селе. Якобы императорскую семью стало некому охранять, потому что с.е.и.в. конвой перешел на сторону революции и покинул царскосельский дворец. Если император откажется отречься, это повлечет за собой гибель жены императора, наследника, всей династии. Эти ложные сведения были предъявлены царю в то время, когда потрясенный случившимся Фредерикс, ничего не знавший о судьбе своей семьи в Петрограде, служил наглядным примером того, что может случиться с семейством императора в Царском Селе. Стремление спасти жену и детей путем изъявления согласия на отречение заставило Николая II пойти на этот шаг. Но объявление о согласии на отречение, еще не означало самого отречения.

В этой связи возникает подозрение, не была ли «атака» на дом Фредерикса, предпринятой гвардейской частью, заранее спланированной акцией оппозиции, имевшей целью запугать царя и заставить его пойти на уступки? Прямых доказательств этого нет. Но важно поставить этот вопрос. Возможно, дальнейшие исследования позволят ответить и на него. Пока же подозрение падает на А.И. Гучкова, сумевшего заполучить подпись Фредерикса на так называемом «акте отречения», документе, представлявшим собой «филькину грамоту» и не имевшем никакой юридической силы. Но это уже отдельный сюжет.

«Младотурки» и «военный заговор»: к вопросу о конспирологических интерпретациях политизации русского офицерства.

Представляется, что обнаружившаяся в ходе Русско-японской войны неспособность царского правительства поддерживать военное могущество России обусловила политизацию части офицерства. Прежде всего это касалось интеллектуальной элиты русской армии – офицеров Генерального штаба. Сознание угрожающего международного положения страны в условиях развала ее вооруженных сил привело многих из них в сферу публичной политики. Уже само профессиональное видение нужд и интересов армии сталкивало их с архаичным режимом, казавшимся препятствием на пути успешной модернизации вооруженных сил.

В период между двумя войнами в России шли сложные внутренние процессы. Кризис военной машины государства и падение престижа воинской службы совпали с внутренними потрясениями и перестройкой политической системы. «Обновление» государственного строя существенно расширило возможности репрезентации интересов различных групп населения в публичном пространстве. Общество постепенно осваивало ранее недоступные приемы политической борьбы и способы заявлять о своих требованиях. Военные не оставались в стороне от этого процесса. Юридически лишённые всяких политических прав офицеры тем не менее настойчиво пытались использовать явившиеся возможности для лоббирования своих интересов. Некоторые из них открыто становились в оппозицию к правительству, декларируя в печати «радикальные» требования об установлении ответственности военного министра перед народным представительством, другие стремились к неформальному участию в работе Государственной думы, доверительному сотрудничеству с депутатами и политическими партиями, пытаясь сделать их своими союзниками в борьбе против тормозившего модернизацию армии влияния придворных сфер.

При этом во многих работах о русской армии присутствует выраженная тенденция к упрощению этих процессов. Факты, указывающие на зарождении новой политической культуры, без достаточных к тому оснований воспринимают в качестве свидетельства существования военного заговора с целью совершения государственного переворота, тем самым некритически солидаризуясь с позицией консерваторов и полицейских чиновников начала XX века.

Россия на первой Всемирной выставке в Лондоне.

Организация русского отдела в 1850-1851 гг.

25 января 1850 г. чрезвычайный посланник Великобритании при русском дворе направил русскому правительству, через канцлера графа К. В. Нессельроде, официальное приглашение принять участие в «Выставке промышленных изделий всех стран», которая планировалась в Лондоне в 1851 г. Император Николай I повелел графу К. В. Нессельроде, министру финансов графу Ф. П. Вронченко и министру государственных имуществ графу П. Д. Киселеву «вступить в сношение <...> для соглашения начал и порядка принятия участия в сем деле». Результатом этого «сношения» стал журнал трех министров от 19 марта 1850 г., определивший принципы организации русского отдела на первой всемирной выставке в Лондоне. Некоторые из них доказали свою эффективность и были использованы впоследствии при организации русского отдела и на других всемирных выставках, другие же оказались не совсем удачными и были отброшены уже в ходе подготовки выставки 1851 г. В докладе рассматриваются принципы организации русского отдела на первой всемирной выставке в Лондоне: создание особой Высочайше учрежденной комиссии по делам выставки в Петербурге и ее подразделения — Южной комиссии — в Одессе; участие в подготовке выставки российских чиновников в Лондоне — агента Министерства финансов по мануфактурной части Г. П. Каменского, российского посланника барона Ф. И. Бруннова и российского консула Е. И. Кремера; поиск и отбор экспонатов казенных учреждений и частных фабрикантов и их доставка в Лондон из Петербурга и Одессы; подготовка официального отчета «Обозрение Лондонской всемирной выставки» (1852) членами Мануфактурного совета при Департаменте мануфактур и внутренней торговли, которые с этой целью были командированы в Лондон Министерством финансов.

Доклад подготовлен на основе материалов РГИА, АВПРИ, официальных публикаций и публикаций в периодической печати.

Д.А. Гравенгоф – штрихи к портрету

Судьба Дмитрия Августовича Гравенгофа (он называл себя в России Гравенгов, на «русский манер»), доктора политэкономии, близкого к правящим и деловым кругам императорской России последних трех десятилетий, связана по большей части с проявлениями скрытых отношений политики и предпринимательства. Корреспондент русского официоза «Альгемайне Райхскорреспондент», а затем телеграфного бюро «Вольфф», он стал одним из заметных пропагандистов политики С.Ю. Витте в Европе, вернувшись в С.-Петербург после первой высылки с русской территории весной 1891 г. по обвинению в энергичной кампании против русской политики, когда он «доходил даже до личных атак против царя» (*L'Intransigeant*, 22.4.1891). В следующем году он выпустил по-немецки книгу «Внешняя торговля России и новый таможенный тариф». По мнению Гравенгофа, «объективное изложение русской протекционистской политики полезно и иностранным промышленникам: оно покажет им точки, где конкуренция с отечественной промышленностью исключает для них возможность успеха и где такая возможность может быть приведена в действие, чтобы даже достичь как длительного успеха, так и найти благожелательное отношение в России». Будучи второй раз высланным из Петербурга в связи с коррупционным скандалом, затронувшим родственные связи Витте, Гравенгоф тем не менее через некоторое время предлагал себя тому через директора С.-Петербургского Международного банка А. Ротштейна в качестве шефа бюро новостей, которое могло стать центром русской государственной пропаганды в Западной Европе. Сам Ротштейн тогда же создавал конкурента агентству Reuters в Восточной Азии для информационной поддержки активности руководимого им и Русско-Китайского банка. Все же главную роль в организации влияния на мировое общественное мнение в прессе была отведена тогда агенту финансового ведомства России в Париже А. Рафаловичу.

В 1897 г. Гравенгоф был выслан и из Франции и обосновался в Италии, где считался вполне добропорядочным предпринимателем. С 1900 г. его имя связано с развитием бальнеологического курорта Римини, где в 1908 г. он построил отель класса люкс «Hungaria». В 1908 г. представлял интересы в России интересы генуэзской военно-промышленной группы «Ансальдо» на международном конкурсе по поставкам артиллерии для первых русских линкоров. Посредничество Гравенгофа, правда, не имело успеха. Официальная история «Ансальдо» объясняет этот эпизод тем, что Морской Технический комитет поддерживал конкурентов из Германии (о чём А.Н. Крылов не мог написать в воспоминаниях, вышедших в 1946 г., сразу после войны с Германией). В итоге заказы все же были отданы русским заводам.

Во время Первой мировой войны, после перехода Италии на сторону Антанты, в частности, после Парижской экономической конференции союзников летом 1916 г., Россия поддерживала Италию в её умеренном участии в экономической войне с германским блоком. Наметилось сближение обеих стран. Гравенгоф сформировал итальянский синдикат для инвестиций в горнодобывающую промышленность и устроил для его учредителей, которые были приняты на министерском уровне, ознакомительную поездку по России. В 1917 г., уже Временное правительство отправило Гравенгофа с миссией оживить экономические связи России с Италией, Францией и Британией после шедшей к концу Мировой войны. (Так сам Гравенгоф объяснял в 1918 г. своё появление в Париже в суде, перед которым он предстал за нарушение предписания, выданного ему ещё в 1897 г. о запрете въезда во Францию).

Жена, сам Д.А. и его сын Сергей (названный в честь Витте, который был его крестным отцом) покоятся в Риме на некатолическом кладбище Тестаччо. Другой сын, Владимир, стал брокером на фондовой бирже Нью-Йорка и ультраправым публицистом.